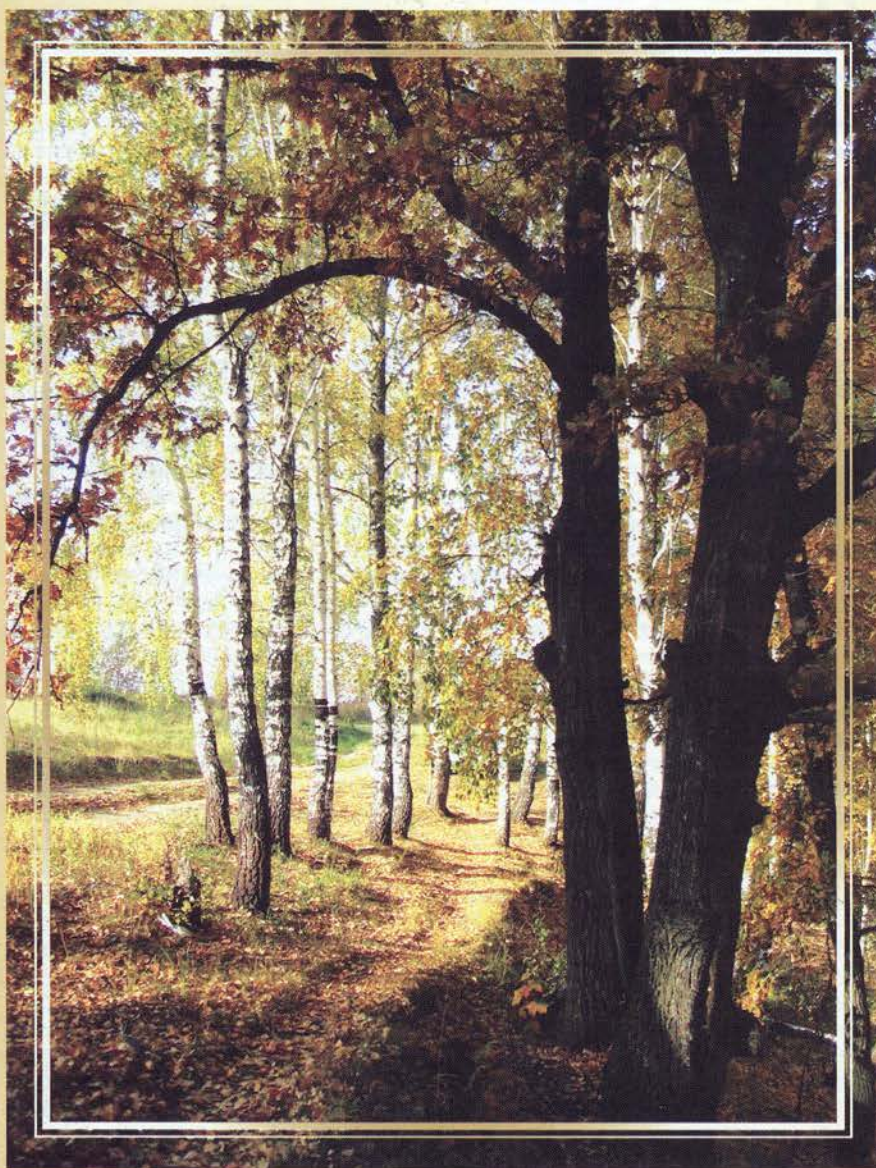

СЛОВО О С.Т. АКСАКОВЕ

Есть в творческом наследии Сергея Аксакова стихотворение, удивительно точно передающее особую прелесть поздней осени, о которой не скажешь – «очей очарованье» или «короткая, но дивная пора», но которая от этого не становится менее дорогой и таинственно-милой:

17 Октября

(А. Н. Майкову)

*Опять дожди, опять туманы,
И листопад, и голый лес,
И потемневшие поляны,
И низкий, серый свод небес.
Опять осенняя погода!
И, мягкой влажности полна,
Мне сердце веселит она:
Люблю я это время года.*

Я не случайно, конечно, начал слово о нашем великом земляке с этого поэтического фрагмента. К сожалению, мы привыкли связывать его творческое наследие только с прозой – сказкой «Аленький цветочек», биографической дилогией «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», забывая, как много сделано Сергеем Тимофеевичем в русской литературе!

Поэт, театральный и литературный критик, прозаик, мемуарист, очеркист – вот далеко не исчерпывающий перечень литературных жанров, в которых активно и талантливо он работал более 40 лет. И как же много, оказывается, сделано им! Сколь широким и многогранным был его литературный дар!..

Но вслушаемся внимательнее в это стихотворение. Написанное незадолго перед смертью (1857 г.), оно удивительно точно соответствует не только принципам реалистического пейзажа, утвердившимся к этому времени в русской поэзии стараниями Пушкина,

Некрасова, Фета, но и неповторимому стилю самого С. Т. Аксакова. Простота и точность описания, плавность и напевность интонации, незаметность и естественность поэтического мировидения – чего стоит хотя бы эта «мягкая влажность»! – и все это согрето сердечной теплотой, искренней, идущей из глубины души любовью. Не поэтому ли так поэтичны его книги, очерки, воспоминания? Вот «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», где после точного и скрупулезного перечня типов ружей, зарядов, пыжей и прочих примет, дорогих каждому любителю и знатоку этой одной из самых первых и самых сильных мужских страстей, мы вдруг читаем: «Прибавились значительно дни. Ярче, прямее стали солнечные лучи и сильно пригревают в полдень. Потемнела полосами белая пелена снега, и почернели дороги. Вода показалась на улицах. Уже март на исходе и апрель на дворе. Для страстного охотника, каким был я смолodu и какие, вероятно, никогда не переведутся на Руси, уже наступило время тревоги и ожидания. Если весна не слишком поздняя, то прилетная птица начинает понемногу показываться».

Любовь к русской природе, русской литературе сочеталась в нем с высочайшим нравственным чувством, прочным и непоколебимым. Хорошо известен случай 1832 года, когда за пропуск в печать брошюры «Двенадцать спящих будочников», в которой сатирически были представлены нравы полиции, Аксаков был уволен со службы. Узнав об этом, его друг А. А. Кавелин, прислал ему письмо с соболезнованием, больше похожим на упрек. Ответ писателя был мгновенным и жестким: Поверь, во мне достанет сил/Перенести царя неправость,/А возбуждать людскую жалость/Я не люблю – и не любил! (Стансы, 1832).

Но видно нравственное негодование писателя было столь велико, что он не остановился только на этом и решился на совершенно безрассудный поступок: один экземпляр этого стихотворения, подписанного его именем, Сергей Тимофеевич отправляет... в Зимний дворец!

... Не удивителен постепенный переход от поэзии к прозе, происшедший у него, в конце концов, это был и общий путь развития русской литературы, и путь творческого становления многих его современников. Поразительно другое – это стремление слепящего человека, у которого мир гаснет перед глазами, удержать, сохранить его во всей полноте земных проявлений. Возвращение в детство у Аксакова – это не способ познать тайны и сложности психологического процесса взросления человека, это не уход в другой – лучший! – мир, не создание в иной, эстетической реальности убежища от

мира сего, с его страстями и скорбями. О, нет! Мир, творимый писателем, зрим, осязаем, чувствуем наощупь! Он пронизан светом солнца, пропитан запахами, так что при чтении кажется, будто и на кончике языка ощущается легкое жжение. «Потом, по просьбе моей, достали мне кусочки или вишюльки сосновой смолы, которая везде по стенам и косякам топилась, капала, даже текла понемножку, застывая и засыхая на дороге и вися в воздухе маленькими сосульками, совершенно похожими своим наружным видом на обыкновенные ледяные сосульки. Я очень любил запах сосновой и еловой смолы, которую курили иногда в наших детских комнатах. Я понюхал, полюбовался, поиграл душистыми и прозрачными смоляными сосульками; они растаяли у меня в руках и склеили мои худые, длинные пальцы; мать вымыла мне руки, вытерла их насухо, и я стал дремать...»

И не потому ли, завершая «Семейную хронику», обращается он к дорогим и любимым людям с такими простыми и в то же время пронзительно чистыми и нежными словами, словно завещая и нам уходить из мира, возвращаясь к его началу:

«Прощайте!.. Вы не великие герои, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили: но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков...»

Гаснет тело, меркнет свет в глазах, кажется, мир отдалился навсегда, но не гаснет свет любви и веры, который всегда был открыт для духовных очей Сергея Тимофеевича Аксакова.

Михаил Матлин

фото А. Сытина, С. Ойкина

